

ТОМАС ГАРДИ

ТОМАС ГАРДИ
В КРАЮ ЛЕСОВ

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г20

Thomas Hardy
THE WOODLANDERS

Перевод с английского
Главы I–XXV: перевод *Андрея Сергеева*
Главы XXVI–XLVIII: перевод *Марины Литвиновой*

Художественное оформление серии *Луизы Бакировой*

Иллюстрация в марке серии:
© lelevien / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гарди, Томас.

Г20 В краю лесов / Томас Гарди ; [перевод с английского М. Литвиновой, А. Сергеева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-196142-8

Томас Гарди (1840–1928) — английский писатель, для которого характерно определение, выражающее главное призвание литературы: изображать природную и духовную сущность человека. Многогранность проявлений этой человеческой сущности в книгах Томаса Гарди такова, что одни воспринимают его произведения как «шедевры любовного романа», а другие — как памфлеты против сословного неравенства. Известно, что епископ англиканской церкви устроил публичное сожжение одной из его книг, как нарушающей моральное кредо общества, в то время как Максим Горький поставил Гарди в один ряд с Бальзаком, Золя и Мопасаном...

Роман переносит читателя в самую глубину сельской Англии. Деревушка Малый Хинток — место действия романа — так мала, что в чаще лесного края ее даже трудно найти, но именно здесь разыгрываются трагедии «истинно софокловского величия». Причина этих трагедий — столкновение естественных человеческих характеров, сохранившихся в заповедной глуши сельской Англии.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

- © Литвинова М., перевод на русский язык. Наследник, 2024
- © Сергеев А., перевод на русский язык. Наследник, 2024.
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196142-8

ГЛАВА 1

Если досужему путешественнику захочется по старой памяти или из каких-либо других соображений пройти заброшенным трактом по почти меридиональной линии от Бристоля к южному побережью Англии, то с середины пути он окажется в краю обширных лесов, иногда перемежающихся яблоневыми садами. Здесь деревья — будь то лесные или плодовые — ломают черту придорожных изгородей, бросая на них узоры света и тени, непринужденно протягивают свои горизонтальные ветви над дорогой, словно бесплотный воздух служит им достаточной опорой. В одном месте с холма, на который взбирается тракт, открывается вид на самый большой из здешних лесов, разделенный трактом надвое подобно тому, как густые волосы разделяются светлой линией пробора. Место это пустынное.

Вид заброшенной дороги выражает одиночество гораздо острее, нежели безлюдные доли и холмы, а ее могильная тишина намного выразительнее тишины озер и болот. Вероятно, причиной этому невольное сравнение того, что есть, с тем, что могло бы быть, поэтому шагнуть из-за ограды на белеющую дорогу и на миг задержаться среди ее пустоты — значит вне-

запно сменить простое отсутствие людей на ощущение заброшенности.

Именно здесь в сгущающихся сумерках зимнего дня и стоял человек, оказавшийся на дороге описанным выше образом. Он только что перелез через изгородь и, нимало не будучи «избранным сосудом» для лирических переживаний, все же на миг ощутил себя более одиноким, чем за минуту до этого.

Взглянув на весьма щеголеватую одежду незнакомца, можно было заключить, что это не местный житель, да и по лицу его было видно, что направление дороги ему намного важнее, чем мрачная красота пейзажа, пение ветерка или вызванная к жизни воображением зыбкая процессия призраков в старинных каретах. Его не волновал ни труд ушедших поколений, проложивших дорогу на холм, ни бесчисленные путники, утрамбовавшие ее, ни слезы, ее окропившие, ибо времени, отпущенного ему судьбой, хватало лишь для сугубо практических нужд.

Он посмотрел на север, потом на юг и машинально потыкал землю своей тростью. Лицо незнакомца при более пристальном взгляде подтверждало то, о чем свидетельствовал его щеголеватый костюм. Оно выражало ни на чем не основанное самодовольство. Ничто не озаряло это лицо, и не только мудрец, но и простой наблюдатель увидел бы в его выражении полную подчиненность немногочисленным правилам и привычкам и незыблемую в них веру.

Кругом не было — да, казалось, и не будет — никого, кто мог бы указать ему дорогу. Однако вскоре послышался негромкий скрип колес и размеренный постук подков, и в седловинке между деревьями и вершиной холма замаячил одноконный фургон.

Вглядевшись, незнакомец сказал себе с некоторым облегчением:

— Это миссис Доллери — она-то мне и поможет.

В фургоне было несколько пассажиров, главным образом женщин. Подождав, когда фургон приблизился, путник поднял трость, и сидевшая на козлах женщина натянула вожжи.

— Миссис Доллери, я тут полчаса ищу дорогу на Малый Хинток, — сказал он. — Я раз десять бывал в Большом Хинтоке и в Хинток-хаусе, но эта деревушка просто куда-то запропастилась. Не поможете, а?

Миссис Доллери заверила его, что поможет: она сама направляется в Большой Хинток и будет проезжать мимо Малого — это совсем рядом, вверх по тропинке в сторону от дороги, на которую они сейчас свернут.

— Впрочем, — продолжала миссис Доллери, — это такая неприметная деревушка, что вы, городской житель, сами днем с огнем не найдете, ежели заранее не знаете, где она. Боже! Да я бы за деньги не стала там жить! То ли дело Большой Хинток! Тут есть все, что душе угодно.

Он вскарабкался на козлы и свесил ноги так, что лошадь порой задевала их хвостом.

Для знавших эти места фургон миссис Доллери был скорее движимой принадлежностью тракта, чем посторонним предметом, оказавшимся на пути. Ее кляча, чья грива жесткостью и цветом напоминала вереск, а ноги и тело были изувечены упряжкой и многолетним тяжким трудом, появлялась на этой дороге почти ежедневно в течение двух десятков лет, хотя полагалось бы ей пастись где-нибудь на восточ-

ной равнине, а не тащиться здесь, ибо когда-то это была ладная породистая лошадь. Да и править ею было не так уж легко: коротковатая сбруя все время сползала набок, и хвост не был должным образом пропущен через подхвостник. Лошадь знала каждый малейший уклон дороги на протяжении всех семи или восьми миль от Хинтока до Шертон-Аббаса — торгового городка, куда лежал ее обычный путь, знала так хорошо, как может знать разве что землемер, вооруженный нивелиром.

Черный квадратный кузов фургона покачивался на ходу; от него над головой возницы торчал крюк, за который иногда цепляли вожжи; тогда они свисали с плеч лошади как оковы. Где-то около оси болталась цепь, единственным назначением которой было греметь на ходу.

По дороге миссис Доллери по многу раз приходилось слезать с козел, поэтому она для соблюдения приличия надевала под платье короткие гамашы, особенно в ветреную погоду; на голове ее был не чепчик, а фетровая шляпа, обмотанная платком, ибо у миссис Доллери частенько болели уши. В задней стенке кузова имелось застекленное окошечко, которое хозяйка протирала носовым платком каждый рыночный день перед отправкой в город. Шагая позади фургона, можно было увидеть сквозь стекло квадратный кусочек окрестностей и небосвода, но их то и дело заслоняли профили пассажиров, шевеливших губами и кивавших головами в оживленной дорожной беседе, блаженно не ведая, что их ужимки и гримасы как нельзя лучше видны постороннему глазу.

Для них час дороги домой с рынка был счастливым, если не счастливейшим, часом недели. Усев-

шись поудобнее, они забывали о горестях бытия и с умиротворенными улыбками рассуждали о жизни, вспоминая происшествия минувшего дня.

Пассажиры тесно сдвинулись в задней части фургона и, пока незнакомец толковал с хозяйкой, принялись обсуждать его, благо скрип колес заглушал их слова.

— Это парикмахер Перкомб — тот, у которого восковая кукла в окне на Эбби-стрит, — сказал кто-то. — Хотела бы я знать, что ему надобно в наших краях. Он ведь не бродячий цирюльник, а настоящий парикмахер. Он даже убрал вывеску, потому что это не благородно!

Они прислушивались к его словам, но мистер Перкомб, казалось, не собирался удовлетворять их любопытство, хотя все время кивал и что-то говорил, но вдохновлявший пассажиров общий разговор прервался с его появлением.

Так они ехали, пока не свернули на еле заметную крутую тропинку, с вершины которой можно было различить в полумиле направо во впадине сады и огороды, словно срезанные с поверхности лесного края. Оттуда в сторожком молчании подымались высокие столбы дыма; воображение могло проследить за дымами до незыблемых камней очага, обвешанного гирляндами копченых окороков. Это было одно из тех отдаленных мест, где обычно бывает больше раздумий, чем действия, и больше пассивности, чем раздумий; рассуждения здесь строятся на зыбких основаниях и приводят к фантастическим выводам; тем не менее здесь, как и во всех подобных местах, от нагнетания страстей и тесной взаимосвязи коренных обитателей порой разыгрываются драмы истинно софокловского величия.

Это и был Малый Хинток, который разыскивал парикмахер. Сгущавшаяся ночь постепенно поглощала дым, вырывающийся из труб, но местоположение маленького уединенного мирка выдавали несколько слабых огоньков, неверно мерцавших сквозь безлиственные ветви, среди которых устроились на ночлег пичуги, похожие в потемках на шары из перьев.

От проезжей тропинки ответвлялась тропинка поуже; тут парикмахер сошел, ибо миссис Доллери направлялась в Большой Хинток, чье превосходство над презренным Малым Хинтоком не слишком явствовало из сравнения тропинок, ведущих в эти деревни, но такова уж прихоть судьбы.

— Там поселился очень умный и ученый молодой доктор. Говорят, он в союзе с дьяволом. И больных у него нет, а выбрал он это место потому, что это самая середина нашего края, — сообщила парикмахеру одна из пассажирок, надеясь хоть напоследок узнать цель его путешествия.

Но он не сказал ни слова и углубился во мрак, с осторожностью ступая по скользким опавшим листьям, почти скрывавшим от глаз дорогу и улицу деревушки. С наступлением темноты посторонние тут не ходили, и большинство обитателей Малого Хинтока считали оконные занавески излишеством, именно поэтому мистер Перкомб мог заглядывать в окна почти каждого дома, очевидно, стараясь угадать местожительство того или тех, кого разыскивал.

Его интересовали дома поменьше, и он равнодушно прошел мимо нескольких домов, чьи размеры, возраст и службы свидетельствовали о том, что

и в этих глухих местах жили или живут люди, занимающие достаточно высокое положение в обществе. Запах яблочных выжимок и шипение забродившего сидра, доносившиеся из дворов, говорили о недавних трудах обитателей и соединялись с запахом гниения от волглой листвы под ногами.

Так он прошел пол-улицы. Дом у высокого дерева излучал необычное сияние: зарево, вырывавшееся из печной трубы, превращало дым в мерцающее облако. Увиденное в окне заставило парикмахера решительно остановиться и всмотреться внимательнее. Дом был великоват для деревенского; сквозь приоткрытую наружную дверь длинная лента света падала в ночь. Сонные осенние мотыльки то и дело влетали в узкую полосу лучей и тут же пропадали во тьме.

ГЛАВА 2

В доме, распространявшем это приветливое сияние, он увидел девушку в огромном кожаном переднике. Она сидела на плетеном стуле и работала при ярком пламени полыхавшего очага. В правой руке она держала секач, на левую была надета непомерно большая кожаная рукавица. Девушка с поразительной ловкостью обстругивала ветки, изготавливая кровельный прут. Слева от нее находилась кладка гладких ровных прутьев, справа — гора обрезков, которыми и поддерживалось пламя в печи, а перед ней аккуратной стопой лежал готовый кровельный материал. Она брала ветку, критически окидывала ее взглядом, ловкими ударами отсекала боковые отростки и заостряла ее с обоих концов, придавая им сходство с треугольным концом штыка.

В случае надобности она могла бы зажечь и свечу в медном подсвечнике, который стоял близ нее на скамейке — из тех, на которые ставят гробы. Чтобы придать ей сходство со столиком, на скамейку набили круглую сосновую доску, белизна которой странно оттеняла черный резной дуб подставки. Былое общественное положение обитателей дома распознавалось по этому предмету с той же точностью, с какой дом дворянина узнают по висящим в нем старым щитам и шлемам. Когда-то каждый зажиточный крестьянин, чьи права на землю значились в бумагах помещного суда или были по крайней мере неоспоримее, чем у простого арендатора, считал необходимым приобрести пару таких скамей для гробов своих близких. Однако в последних поколениях мысль *сui bono* (кому это нужно?) вытеснила привязанность к старому обычаю, и скамьи для гробов теперь часто использовали так, как мы это только что описали.

Девушка на мгновение отложила в сторону секач и осмотрела отнюдь не жесткую и не грубую ладонь правой руки, которая, в отличие от левой, не была защищена рукавицей.

Ладонь была красная и в водяных мозолях: стругание веток явно не относилось к числу ее привычных занятий. Как у множества людей физического труда, в очертаниях руки этой девушки не было ничего подтверждавшего расхожее мнение, что происхождение человека — от высокого до самого низкого — неизменно сказывается на форме руки. Лишь волей случая пришлось ей готовить кровельный прут, и пальцы, обхватившие тяжелую ясеневую рукоятку, могли бы уверенно вести перо по бумаге или трогать струны, будь они приучены к этому в должное время.

Лицо ее было исполнено той одухотворенности, которая рождается одиночеством. Взгляды множества людей словно стирают с лица индивидуальность, обкатывают его, как волна камень. Но в тихих водах уединенной жизни каждое чувство и мысль распускаются с той откровенностью, какую можно увидеть разве что на лице ребенка. Лет ей было не более девятнадцати-двадцати, однако необходимость рано задумываться над жизнью придала очертаниям ее почти детского лица преждевременную законченность. Эта девушка не претендовала на красоту, но одно бросалось в глаза сразу — волосы, густые и непослушные до неукротимости. В зареве очага они казались темно-коричневыми, однако при свете дня выяснилось бы, что их истинный цвет — редкий и роскошный оттенок каштанового.

От этого дара, поднесенного временем своей жертве, и не мог отвести взгляда пришелец, а пальцы его правой руки машинально поигрывали ножницами, что были засунуты в жилет и на чьем блестящем металле слабо горел отсвет пламени из очага. Мысленно парикмахер уподобил девушку за работой великолепному полотну позднего Возрождения. Волосы ее были выписаны ярко и отчетливо, лицо же, плечи, руки и вся фигура, будучи скоплением маловажных деталей, терялись в тени.

Не колеблясь более, он постучал в дверь и вошел в комнату. Песок, которым был посыпан пол, захрустел под его ногами, девушка оглянулась и, побледнев, воскликнула:

- Ах, мистер Перкомб, как вы меня напугали!
- Закрывай дверь плотнее — и не напугаешься.

— Не могу, — сказала она, — печь дымит. Мистер Перкомб, когда вы не у себя в парикмахерской, у вас такой забавный вид — ну точь-в-точь канарейка на боярышнике. Вы ведь сюда не из-за меня пришли, не из-за того...

— Нет, я как раз пришел из-за этого самого. — Он коснулся ее головы своей тростью, и девушка содрогнулась. — Ты согласна? — продолжил он. — Мне надо знать это сейчас же. Дама скоро уедет, а на работу мне нужно время.

— Не торопите меня, прошу вас. Я уж думала, что вы забыли. Я не могу расстаться с ними — нет, нет!

— Послушай, Марти, — сказал парикмахер, присаживаясь на столик, сделанный из скамейки. — Сколько тебе платят за этот прут?

— Тсс! Отец наверху не спит. Он не знает, что я делаю работу за него.

— Так сколько тебе за это платят? — повторил вопрос парикмахер, понизив голос.

— Восемнадцать пенсов за тысячу, — неохотно ответила она.

— А для кого ты их делаешь?

— Для мистера Мелбери, лесоторговца, что живет тут неподалеку.

— Сколько же ты их можешь сделать за день?

— За день и полночи — три связки. Это полторы тысячи.

— Два шиллинга с четвертью. — Парикмахер помолчал, вычисляя ту наименьшую сумму, которой можно было бы победить сопротивление бедности и женскую любовь к красоте. — Взгляни-ка, вот соверен — золотой соверен, почти новенький. — Он держал монету между указательным и большим паль-

цами. — Это ровно столько, сколько ты получаешь за полторы недели мужского труда. Совершен твой, если ты позволишь состричь то, чего у тебя и так слишком много.

Грудь девушки вздымалась.

— Почему эта дама не обратилась к кому-нибудь другому? Может, другой девушке это было бы безразлично. Почему именно ко мне? — воскликнула Марти.

— Глупышка, да потому, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее, а этого не добьешься никакой краской. Ты ведь мне не откажешь — я же нарочно приехал сюда из Шертон.

— Я... я не продам их ни вам, ни кому другому.

— Послушай. — Он придвинулся поближе к ней. — Дама очень богата, ей не жалко прибавить несколько шиллингов — беру это на себя, я дам тебе совершен и два шиллинга, только чтобы не возвращаться с пустыми руками.

— Нет-нет-нет! — волнуясь, заговорила она. — Вы искуситель, мистер Перкомб. Вы как дьявол, искушающий доктора Фаустуса, из книжки! Я не хочу ваших денег, я не согласна! Зачем вы пришли? Когда вы привели меня в парикмахерскую и начали уговаривать, я сразу сказала, что ни за что не продам свои волосы! — Она говорила горячо и решительно.

— Марти, послушай меня внимательно. Твои волосы крайне нужны этой даме. Между нами говоря, лучше б ты с ними рассталась. Худо тебе будет, если ты ей не удружишь.

— Худо? А кто она такая?

Парикмахер молчал, и девушка повторила вопрос.

— Я не имею права говорить. Но она скоро уедет за границу, так не все ли тебе равно?